

Ямантау / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ямантау / рассказ ЯМАНТАУ

Жил я под горой, гора называлась Ямантау, в секретном поселке городского типа, секретный поселок назывался Межгорье. Работал в рабочей столовой, столовая называлась по-разному: вечерами на ее бетонном козырьке светилось фиолетовым неоном «олово» в родительном падеже, а днем, когда электричество на улицах за ненадобностью отключали, висела большими мертвыми буквами «Столовая». Рабочие, копавшие в горе Ямантау секретный город, называли нашу столовую только «Оловом». Они и американским шпионам, кишевшим вдоль границ нашего поселка, рассказывали в ближайших к Межгорью пивнушках, что добывают именно олово; ухмылялись в длинные запорожские усы, макали их в пятисантиметровую белую пену заботливо подставляемых пивных кружек и добавляли, что, мол, для всех радиолюбителей страны, чтобы те паяли свои радиоприемники и слушали потом сквозь треск и вражеское шипение «Голос Америки».

А меня как только ни звали! Первое свое имя я не любил, потому что в детском саду сразу стали обзывать: Юрка-жмурка, Юрка-пурка, Юрчик-полудурчик. Гораздо интереснее было искрящее, страшно гудящее, паровозное имя Тормоз – но я плохо выговаривал некоторые буквы, и глуховатые от своих отбойных молотков рабочие стали звать меня скучным, висящим у каждого из них на поясе шахтерским Термосом.

Но в один из весенних дней мама, всхлипнув от радости, сказала своей лучшей подруге Тамаре Леопольдовне по секрету: «Представляешь, поставили аутизм!» И все в Межгорье стали звать меня Аутом. Это было замечательное имя! Когда разъяренные пацаны орали друг другу на футбольном поле «Был аут!» – «Не было аута!», я подходил к ним и говорил, что я был, стоял вон там, у сваленных в кучу портфелей, и пацаны вместо того, чтобы остервенело продолжать спор маленькими кулачками в цыпках, начинали хохотать и, обнимаясь, виснуть

друг на друге.

А какой фурор – мне потом парторг отряда взрывников Сейфульмулюков так и говорил при каждой встрече: «Ну и фурор ты произвел!» – произвел я в клубе «Учиться, учиться и еще раз учиться»! Тогда в рамках культурного обмена между подземными пролетариями района проходил образцово-показательный боксерский поединок. Встречались белорецкий кандидат в мастера спорта Шафиков и кандидат в члены КПСС, лучший забойщик Межгорья Пашка-полведрa. И в самый кульминационный момент строгий дяденька в белой рубашке с черной бабочкой на шее, досчитав до девяти, позвал меня на ринг. И я, перешагнув через, казалось, непобедимого – говорили, что однажды его не смог перепить даже главный инженер Сан Саныч, – дядю Пашу, сказал попятившемуся строгому дяденьке, что вот он я и что если что, то готов!

Сейчас на работе у меня тоже хорошее имя, может быть, даже лучше, чем было, потому что, когда руководители производства Межгорья долго и основательно отмечают в «Олове» чьи-нибудь поминки, они после первого перекура на крыльце под козырьком переходят на секретные производственные дела и кричат через стол друг другу обо мне: дефективный бур вышел из строя! дефективные партии в литерах А, Б, С! весь первый отдел дефективный вместе со своим начальником Планшетовым! сделать план в таких дефективных условиях нет ну никакой возможности! и хорошо Сан Санычу, потому что он помер, правда, гроб ему дефективные столяры выстрогали тоже дефективный!..

* * *

Я доставал из большой чугунной ванны граненые стаканы, выливал из них серую мыльную воду, протирал мокрым вафельным полотенцем и ставил в лужицу на дне синего пластмассового подноса. Лучики мартовского солнца пробивались сквозь маленькое пыльное окошко под потолком, падали наискосок в сотни граней и весело разлетались по кухне разноцветными зайчиками.

– Эй, дефективный! Шевелись там! Компот не во что разливать! –

звала тетя Зоя, и я, позванивая веселыми зайчиками, торопливо тащил поднос к огромной алюминиевой кастрюле, из которой тетя Зоя длинным черпаком разливала желтый компот по стаканам и передавала их в коричневые мозолистые руки рабочих.

Я любил тетю Зою, она была добрая, хоть и говорила, что попробовала всех дееспособных мужчин Межгорья на зубок. Меня тетя Зоя своими сверкающими в электрическом свете постоянно мигающих люминесцентных ламп золотыми зубами не пробовала, и даже напротив, всегда позволяла дремать в кладовке на мешках с картошкой и луком.

* * *

И вот однажды в час дня вместо всеми ожидаемого прогноза погоды по радио стали говорить что-то длинное и неинтересное. Мне стало скучно, я проскользнул в кладовку и лег на сладко пахнущие осенним урожаем туго набитые мешки. А вечером пришел кандидат в члены КПСС лучший забойщик Межгорья Пашка-полведра с дружками и сказал, что он теперь никакой не кандидат, а вор в законе по кличке Пашка-полведра, и потребовал себе с дружками полведра водки бесплатно. Тетя Зоя, которая не боялась даже Сан Саныча, когда тот был жив, – мертвого тоже не испугалась и единственная во всем поселке поцеловала его в большой и покатый, как наша гора Ямантау, лоб, – вдруг испугалась. Она вытащила из-под бархатного с желтой бахромой переходящего красного знамени победителя соцсоревнования полвещика водки, тяжело подняла и безропотно втиснула его в окошко раздачи.

Пашка с дружками ушел только под утро, перед уходом обернулся и, тяжело подбирая слова, с расстановкой сказал, что вечером придет опять.

– Где ж я тебе возьму?! – возмутилась тетя Зоя.

– Где хочешь! – отрезал Пашка и с тяжелой расстановкой добавил: – Деньги бери с работяг за обеды, пусть свои комплексные талоны засунут... – Пашка вдруг осклабился, потянулся к бедрам тети Зои, но тут же нахмурился, махнул рукой и упал с крыльца в объятия товарищей.

И тетя Зоя стала брать деньги.

Пашка ходил к нам каждый день, ведрами пил с друзьями, изредка запирался с тетей Зоей в кладовке, а мне грозил указательным пальцем и наказывал, чтобы я был начеку и, если на горизонте появится кандидат в мастера спорта Шафилов с друзьями-спортсменами, то сразу бежал к нему, Пашке, и докладывал.

— Как Дзержинский? — уточнял я про чеку.

Что-что, а фильмы про подвиги чекистов я любил.

— Какой в Ямантау Дзержинский?! — вору в законе не полагалось любить фильмы про революционную борьбу с чуждым классовым элементом.

Пашка отвешивал мне подзатыльник и заставлял весь день пялиться в обитую зеленым дерматином дверь на тугой скрипучей пружине, беспрерывно вколачивающей эту дверь в измученные косяки.

Как я ни пялился, а доложить, что на горизонте появились спортсмены, не успел.

Шафилов пнул дверь, пнул шаткий стол, уставленный бутылками, пнул развалившегося на стуле Пашку, пнул стул, пнул бутылки. А дружки Шафилова в это время нокаутировали всех дружков Пашки.

* * *

Кандидат в мастера спорта Шафилов не пил вовсе, он все время запирался с тетей Зоей в кладовке, которую стал называть будуаром, и потребовал принять на работу всех ее двоюродных и троюродных сестер со всех возможных родственных сторон.

Сестры тети Зои вынесли из обеденного зала на заваленный пустыми бутылками хоздвор шаткие стулья и столы на разъезжающихся ножках, застелили серый бетонный пол медвежьими шкурами, расставили пуфики, диванчики и тусклые торшеры. Большие пустые окна, выходящие на улицу, вымыли, не дожидаясь ленинского субботника, и занавесили бархатными с желтой бахромой переходящими красными знаменами победителей соцсоревнований.

Меня нарядили в алую шелковую рубаху и голубые шаровары, на голову накрутили туркменский тюрбан, и я, по требованию сестер

тети Зои, лежащих на шкурах у тоненьких ног пузатых мужчин, разносил на никелированном подносе разбавленную желтым компотом водку в стаканах, дребезжащих в начищенных до блеска подстаканниках Куйбышевской РЖД. Шафиков пробовал звать меня Аладдином, но после того, как я в очередной раз зацепился изогнутым носком турецкой туфли за одну из сестер тети Зои и облил тоненькие ноги пузатого мужчины, решил, что лучшего имени, чем есть, для меня не найти.

Дни шли за днями, и все было хорошо и понятно, но как-то, устремившись в кладовку следом за тетей Зоей, Шафиков вдруг остановился, поманил меня пальцем, схватил за ухо, больно оттянул и строго шепнул в него:

– Держи вот это свое ухо востро! Увидишь приближающегося парторга отряда взрывников Сейфульмулюкова с отрядом взрывников – мигом ко мне!

Сестры тети Зои никак не могли мне растолковать, как нужно держать ухо востро. Хорошо, что пузатый мужчина с тоненькими ногами знал как, он раздраженно махнул пухлой ладонью в сторону бархатных знамен и, поморщившись, разъяснил:

– Вон у вас в портьере победителя соцсоревнования моль дырку проела, следи через нее, что на улице делается, вот и будет тебе востро!

И стал я в эту дырку следить за улицей, и когда увидел быстрые скользящие тени, то побежал со всех ног к Шафику, вышиб плечом дверь в будуар и крикнул что есть мочи обнаженному... видимо, по пояс, кандидату в мастера спорта: «Востро!»

Весь день и всю ночь бились тяжелые мускулистые дружки-спортсмены Шафикова и легкие проворные взрывники Сейфульмулюкова. Дружки Шафикова махали в воздухе пудовыми кулаками, взрывники Сейфульмулюкова замысловато подпрыгивали и отбивали кулаки изящными пятками.

Под утро уставший парторг отряда взрывников Сейфульмулюков подозвал тетю Зою и объявил ей, что теперь на базе общепита мы будем создавать ресторан высокой культуры с экзотической кухней, а бордель превратим в образцовое казино с честным набором игорных инструментов по добровольному изъятию денег.

* * *

Ловкие взрывники быстро содрали с окон красные знамена с желтой бахромой и снесли их вместе с медвежьими шкурами, пуфиками и торшерами на хоздвор, к пустым бутылкам и столикам на разъезжающихся ножках. Окна закрыли глухими световыми панелями, в игорном зале установили покерные столы, рулетку, одноруких бандитов, а ресторанный зал украсили рогами, оскаленными головами хищников и пестрыми рыбками в аквариумах. Мне пошили нарядную ливрею с галунами и аксельбантами, тюрбан выбросили на хоздвор, а вместо него водрузили на голову полуметровый гусарский кивер с султаном. Я останавливал входящих в наше заведение мужчин в черных фраках, женщин в вечерних платьях, ниспадающих на лакированный пол из мореного дуба, и говорил, как научил меня парторг Сейфульмулюков:

– Фейсконтроль!

Потом пропускал, конечно, потому что слышал в ответ свое имя. Тетя Зоя сидела в бронированной кладовке-будуаре, меняла деньги на фишки, а фишки, если таковые у клиентов оставались, на деньги. Ее сестры в строгих фиолетовых костюмах принимали ставки в игорном зале и в нестрогих малиновых костюмах разносили бифштексы из кабанятины, лосятины и медвежатины в зале ресторанном.

Одним словом, работа была еще интереснее и надежнее прежней.

Но как-то невзначай спросил меня парторг Сейфульмулюков:

– А не зачастил ли к нам начальник первого отдела Планшетов?

– Каждый день, – ответил я, – вместе с подругой моей мамы Тамарой Леопольдовной фейсконтроль проходят.

– Хм, – только и сказал парторг Сейфульмулюков.

– Хм, – растерянно хмыкнул парторг Сейфульмулюков, когда Тамара Леопольдовна раскрыла перед ним кожаную папочку и выложила из нее кипу документов.

– Ничего личного, товарищ Сейфульмулюков, – вкрадчиво сказал начальник первого отдела Планшетов. – Ваши документы на здание были оформлены со множеством нарушений, мы эти нарушения исправили, и теперь это здание, прилегающий к нему хоздвор, прилегающая к хоздвору улица, прилегающие к улице дома,

прилегающая к домам промзона и стоящая в этой промзоне гора Ямантау принадлежат нам с Тamarой Леопольдовной.

* * *

Тетя Зоя, Пашка-полведрa с дружками, Шафиков со спортсменами, Сейфульмулюков с взрывниками вынесли на хоздвор покерные столы, рулетку, одноруких бандитов и внесли стерильную пластиковую хайтековскую мебель, мощные компьютеры и пуленепробиваемые стеклянные журнальные столики.

Ливрею мою распорол и на тряпки, гусарский кивер с султаном вернули в музей боевой славы Межгорья. Мне выдали синий комбинезон с белой, светящейся в темноте надписью на спине «Инвестбанк «Олово» и назначили заведующим кулера – как только вода в двадцатилитровой бутылки заканчивалась, я снимал бутылку с водопойной установки и водружал на установку новую. Иногда, конечно, ронял полную бутылку на пол, вода растекалась по всему операционному вип-залу, молчаливые дяди и задумчивые тети слегка приподнимали ноги в туфлях из крокодиловой кожи, а тетя Зоя, называя меня по имени, вытирала огромную лужу специальной, быстро впитывающей влагу шваброй. Появлялась Тамара Леопольдовна и тоже называла меня по имени. Бронированная дверь в кладовку открывалась, выходил Планшетов, ласково трепал меня по щеке и объяснял молчаливым дядям и задумчивым тетям, уже опустившим ноги на черный полированный пол из неизвестного, но чрезвычайно дорогого камня, что банку «Олово» не чуждо сострадание и такое модное социальное ориентирование, и именно поэтому таким – тут он называл меня по имени – тоже в есть место в их банковской жизни.

Время шло. Я все реже ронял бутылку с водой. Хоздвор расчистили и стали возводить на его месте новое двадцатизэтажное здание финансового холдинга «Олово». Все были спокойны и уверены в завтрашнем дне. Но...

Но как-то Планшетов пришел на работу не без пяти минут девять, а без десяти минут. Я как раз сидел на белом мраморном крыльце и ждал начала рабочего дня. Планшетов достал из кармана газету «Фунты стерлингов», постелил рядом со мной и тоже присел.

– Сон страшный приснился, – сказал он своему «мерседесу», припаркованному у крыльца.

– Какой? – спросил я, ловко опережая задумчивый автомобиль.

– Будто главный инженер Сан Саныч выполз из шахты горы Ямантау и остановил время.

«Мерседес» мигнул габаритами, я решил в чужой разговор больше не вступать.

Пластиковая бутылка с водой чуть не выскользнула из моих рук. Ойкнула тетя Зоя, прижала руку к груди Тамара Леопольдовна, приоткрыл тяжелую дверь Планшетов.

– Привет! – пискнула маленькая девочка, держащая за ниточку голубой воздушный шарик.

– Ты кто? – удивился я.

– Я Саня, – сказала девочка.

– А папа твой кто? – спросила тетя Зоя.

– И папа мой Саня, – ответила девочка.

– А к кому пришла? – нахмурилась Тамара Леопольдовна.

– К вам, – улыбнулась девочка.

– А хочешь чего? – вышел из бронированной кладовки Планшетов.

– Ничего, – пожала плечами девочка и отпустила ниточку воздушного шарика.

Шарик поплыл вверх, время поплыло вниз. Шарик уперся в потолок, время остановилось.

* * *

– Эй, дефективный! Шевелись там! – я быстро спрыгнул с картофельного мешка, выскочил из кладовки, принял из рук тети Зои синий мокрый поднос с остатками компота в граненых стаканах, прошел вглубь кухни и вывалил стаканы с подноса в серую мыльную воду в большой чугунной ванне. Лучики мартовского солнца пробивались сквозь маленькое пыльное окошко под потолком, падали в ванну, отражались от серой ряби и весело разлетались по кухне разноцветными зайчиками.

Родился и живет в Уфе. Окончил Московский технологический институт, Литературный институт им. А.М.Горького. Член Союза писателей России. Председатель Объединения русских писателей Союза писателей РБ.

Печатался в журналах «Знамя», «Крещатик», «Наш современник», «Соло», «Урал» и др. Автор книг «Встречное движение», «Канцелярский клей Августа Мебиуса» и др. Финалист премий им. Белкина, им. Казакова, им. Бажова и др. Лауреат литературной премии им. Степана Злобина. Некауалар